

Встреча с давним и добрым другом всегда праздник. Причем, в данном случае слово "давним" вовсе не возрастной показатель, а признак устоявшегося, проверенного временем чувства. Не убоюсь высокого штиля - это поистине праздник души. Тем более, когда встречаешься вдали от тех мест, где прожита солидная часть жизни, и узнаешь приятную новость - человек состоялся именно здесь, в Америке. Да, это очень нелегко, а порой и мучительно больно, найти свою нишу в стране в иными нравам, иным менталитетом. Тем ценнее и поучительнее любая весточка о том, что в повседневной толчее и земных заботах о хлебе насущном человек смог "расчехлить" свое собственное "я" и пустить его в оборот. Недавно раздался у меня телефонный звонок.

- Дядя Петя, это вы?

Ну, как было не узнать этот голос, певучий и нежный! Как будто и не прошло более четверти века с тех пор, как мы вселились в один дом и в один подъезд по улице Варненской в Одесских Черемушках. К вечеру старшая дочь нам доверительно сообщила, что наши новые соседи - люди особые: папа у них моряк, мама красавица, а Вера пишет стихи. Ким Зиновьевич Беленкович оказался капитаном дальнего плавания, написал интереснейшую книгу "Голубые мили", объездил много стран. Наше общение приобрело характер литературно-житейских посиделок.

Разве мы могли тогда даже предположить, что среди нас будущая именитая поэтесса и будущий профессор? Тем не менее, удивлялись, как это Вера, немногословная и, на первый взгляд, медлительная, не по годам рассудительная, успевает отлично учиться на филфаке Одесского университета, посещать музыкальную школу, участвовать в университетском театре-студии у знаменитого И.Альшица, не пропускать литературные вечера и студенческие сходки. И, как теперь оказалось, изу-

чать английский не только по университетской программе. (К слову сказать, театр-студия ОГУ была родоначальником знаменитого Одесского КВН, сформированного на базе нашей альма-матер - Одесского университета).

Особой страстью Веры была литература вообще и Чехов в частности. И еще стихи. И тут просто нельзя не упомянуть отца, который был и другом, и литературным советником. Именно он подарил ей тетрадь, на внутренней обложке которой было его послание:

Бесцельно времени не трать -
Нет в мире боле дорогого.
Я подарил тебе тетрадь
Не для занятия пустого.
Пусть море Черное шумит,
Пусть старый дуб листвою колышет.
Узнай, о чем он говорит,
Услышь, чего никто не слышит.

И она пристально прислушивается к морю, старому дубу, к Космосу. Первые публикации появились в одесской "Вечерке", университетской газете, а потом

и в московской "Смене". И все же полнотой ее талант раскрылся здесь, в Америке. Вот уже более десяти лет она живет в Филадельфии, стала доктором филологии, профессором Пенсильванского университета. И в докторской диссертации она не отошла от чеховской темы, и еще в бизнес-школе ведет курс "Искусство принятия решения". Разумеется, на английском языке. Америка стала для Веры Беленкович (после замужества - Зубарева) вторым домом, гостеприимным и понятливым, хотя процесс вхождения был ой как нелегко. "Перемена места, - пишет она, - это внутреннее преодоление пространства.

Или Исход,
Или переход из язычества
В христианство,
Или - наоборот".

Она делает простой до гениальности вывод: "Америка оказалась сказочной страной, чье самое большое богатство - талантливые люди - не хранилось за недоступной дверью, требующей пароля...".

Талантливые люди окружают ее везде - таков закон притяжения: талант тянется к таланту. Основная работа - преподавание в университете и хобби - литературное творчество слились, по сути, воедино, образовав прочный сплав глубоких знаний и чувственной интуиции, глобальной заинтересованности и уникальной эрудиции. Порой просто трудно определить, где кончается работа и начинается увлечение. И то, и другое - мыслительный процесс, который практически не прекращается. Потому и лекции ее, глубокие и аргументированные, идут, как говорят, нарасхват, на них нет равнодушных. И студенты в перерывах осаждают своего профессора не только вопросами по теме, но и просят подписать сборники ее стихов. Надо ли говорить о том, что авторитет ее безупречен и неподражаем.

Искренние и бескорыстные друзья - это не только единомышленники, но и опора, и та нравственная основа, которая помогает творить. Дружба, естественно, рассчитана и на обратную связь - без этого просто нельзя. Именно Америка свела ее с блистательной плеядой людей, таких же, как и она - неравнодушных и одержимых: Инной Богачевской, поэзия которой, по мнению литературоведа Виктора Финкеля, "пространственно богата, разнообразна, интеллектуальна, высоко эмоциональна"; Эрнстом Неизвестным, который не только иллюстрирует ее книги, но и стал незаменимым партнером в философских дебатах; художницей Ириной Френкель, живопись которой открывает вселенную глобальность величин; профессором Пенсильванского университета Ароном Каценелинбойгеном, новаторские концепции которого получили всеобщее признание; Норой Файнберг - оригинальным писателем и профессиональным врачом; Сергеем Шабалиным - поэтом, художником и непревзойденным бардом, и еще многими, многими другими. Известный литератор-исследователь Вик-

тор Финкель, автор книги "Поэты рубежа", в которой он анализирует творчество поэтов, в том числе и Веры Зубаревой. пишет, что ее поэзия "гораздо ближе к западноевропейской с ее базовым ощущением свободного, ничем не закрепощенного личностного начала. И все это усилено тяготением к иудейской ветхозаветной линии. Поэтому совсем не случайно в ней есть что-то роднящее ее с ивритом. Как известно, в последнем каждая буква означает одновременно и число. Это обстоятельство приводит ... к поразительной, совершенно невероятной в любом другом языке, подлинно великой Б-жественной многовариантности текста." Очень, по-моему, точно подмечено. Я бы к этому добавил, что Веру Зубареву отличает и особенность мысли, и проникновение в тему, и необычный колорит.

*Ночь говорит на непонятном языке
И сверкает луной, как моноклем.*

До чего же точно подмечено! А вот другой образ, не менее впечатляющий:

*Разлуки горькие уроки
Вредны душе, но не уму.
Работаю.
Послушны строки
Руке, как сумерки окну.
Там, за окном, слабее, тоньше
Истаявшего солнца фрез.
Сошлись края небесной кожи,
Как заживающий порез.
И окружая гласных нимбом
Заката уходящий пульс,
По строкам, стопам, ритмам, рифмам
К тебе прокладываю путь.*

Они живут в разных городах Америки, часто перезваниваются. В этих бесконечных "как дела?" и родилась идея создать свою "Гостиную" и обставить ее по всем правилам жанра. Разумеется, речь идет вовсе не о мягких диванах и

расслабляющих светильниках. "Мы долго выбирали место, - пишет Вера в предисловии первого выпуска книги "Гостиная" (Филадельфия, 1995 г.), - поуютней для нашей гостиной. Строили разные воздушные замки, пока кто-то не предложил однажды приспособить эти воздушные замки под что-то дельное, где все могут беспрепятственно встречаться, невзирая на время и расстояние... Ирина Френкель тут же облюбовала просторную светлую студию. Вечерами мы собирались за чашечкой кофе, и начинались наши нескончаемые беседы, которые длятся и по сей час..."

На первую "официальную встречу в "Гостиную" собралось целое созвездие: Вера Зубарева, Александр Ануфриев, Инна Богачинская, Евгения Гейхман, Андрей Грицман, Эрнст Неизвестный, Аарон Каценелинбойген, Александра Ходорковская, Сергей Шабалин, Александр Рязановский, Нора Файнберг, Ирина Френкель... В этой поистине уникальной книге практически присутствуют все жанры - стихи и проза, диалоги и монологи, беседы и просто откровения, никакими жанрами не предусмотренные. Причем, авторы нередко уходят от традиционных форм творчества: Эрнст Неизвестный, кроме последних гравюр, принес философское исследование "Размышления "Кентавра". Инна Богачинская блеснула своим видением замысла и воплощения. Вера Зубарева - стихами на английском из цикла "Боги и ангелы"... Словом, это целый мир страстей и поисков, находок и страстной полемики, это самовыражение талантов.

Читаю стихи Веры Зубаревой и не перестаю удивляться ее тонкому лирическому вкусу, сильным чувствам и богатой фантазии.

*Вчера я посетила Сад,
Изысканнейший Сад фантазий.
Но сколько было мне преград,
Но сколько сломано okazji,*

*Как были спутаны пути
Игрою дерзкой и холодной,
Как предлагалось мне войти
То в рожицу, то в парк бесплодный...*

Вера очень дорожит своей давней и искренней дружбой с Беллой Ахмадулиной, которая в свое время дала ей "добро" и "вывела в люди". Вот как об этом пишет поэтесса в предисловии к книге стихов Веры Зубаревой "Аура" (Филадельфия, 1991 г.): "Сначала я увидела ее стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря. И сама милая Вера очень понравилась мне! Я верю, что она слышит голос своей звезды, предвещающий удачу, но оберегающий от суеты, вздора, поспешности. Ее стихи - изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве."

И Вера не подводит своего учителя. Ее талант отливает всеми гранями редчайшего изумруда, день ото дня он крепнет и становится совершенней:

*Вот так бы и жить -
глазами в высоту,
Вдали от одобрения и гнева...*

Или:

*Сентябрьский свет -
расколота призма.
Охвачен вихрем спектров листопад.*

Просто не могу не вспомнить и такой эпизод. В свое время к 125-летию Одесского университета было решено подготовить историю ОГУ. И автору этих строк, в ту пору доценту этого вуза, предложили войти в состав редколлегии и взять на себя главную заботу - подготовить текст. Так вот, в одном из

разделов мною было вписано несколько строк о студенческом театре-студии и, конечно, о Вере Зубаревой (тогда Беленкович). Но в Киевском издательстве "Лыбидь", где печаталась книга, при контрольной читке уже готовых гранок, эти строки исчезли. Бывший декан филфака профессор Иван Михайлович Дузь, к которому я обратился за разъяснениями, доверительно сказал (эти слова я хорошо запомнил): "Розумиеш, дружище, тут отака справа. Кажуть люди, що вона поихала аж за бугор. Ти люди знають, що кажуть. Нащо мени и тоби цей гембель? Хто знае, як там повернется дило"... Мудрый профессор, долгие годы возглавлявший одесскую писательскую организацию, автор многих книг и монографий и тут решил подстраховаться. Что ж, сплешем этот эпизод на ту систему, которую еще не раз будем вспоминать.

Вот уже целых десять лет доктор филологии, профессор Пенсильванского университета, автор семи книг поэзии, прозы и литературной критики Вера Зубарева сеет в Америке доброе и вечное. Ее произведения публикуются на русском и английском языках в Америке и в Европе. В Швеции выходит в переводе на немецкий ее "Трактат об ангелах" с рисунками Эрнста Неизвестного.

Наша Вера сумела "расчехлить" свое "я" и пустить его в оборот. Она в полной мере воспользовалась свободой в свободной стране. (И муж Вадим Зубарев "оседлал" компьютер, сын Миша грызет науки, мать Нэля ведает хоть и не большим, но весьма мудренным хозяйством. А вот отец и наставник Ким Беленкович ушел из жизни в прошлом году).

Вера Зубарева следует точному курсом по раз и навсегда выбранному ориентиру, как и положено дочери капитана дальнего плавания.

Петр ЕФИМОВ,
кандидат исторических наук.